

ОСМАНСКИЙ ЦЕХ В XVI-XVII В.

В.Ю.

Данная работа написана по мотивам статьи советского ученого-востоковеда Н.А. Иванова.

По-своему характеру цеховые сообщества были похожи на корпоративные объединения, существовавшие деревни и в армии. Все они имели общие именованья – «таифа» и представляли собой самоуправляемые территориально-производственные единицы, основанные на принципах социально-теократического идеала.

Сам термин «таифа» в значении «самоуправляемый коллектив, община» возник в XIII веке в период становления османской государственности. Есть предположение, что подобному войсковому товариществу, она уходила своими корнями в наследие ахийских братств.

В XVI-XVII веке термин «таифа» являлся довольно широким понятием. Он охватывал торгово-ремесленные товарищества, сельские общины и обозначал всякий самоуправляемый коллектив, независимо от характера и рода деятельности. В таком коллективе объединялись все лица, сообща занимавшиеся каким-либо делом в пределах данной местности, за исключением служащих государственного аппарата.

В городах, в качестве основной формы корпоративного самоуправления, выступал торгово-ремесленное товарищество, или по-арабски «таифа-хиратийя» (цеховая община).

Прототипом османского торгово-ремесленного товарищества была корпоративная организация трудящихся у карматов (X-XI века). Интересно отметить, что свое «нелегальное» развитие подобного рода товарищества получило у низаритов – внешней организации неоиисмаилизма (XI-XIII век). В Анатолии основателем торгово-ремесленных и военно-теократических общин ахи был Ахи Эвран Вели. Общины Эврана освободившись от воинской повинности, превратились в профессиональные союзы, по образцу которых в последствие, стали строиться все османские цехи.

Цеховые организации в Османской империи возникли и развивались в условиях, отличавшихся от условий Запада. По этой причине, хотя они и напоминают средневековые корпоративные организации они имеют ряд особенностей в своем развитии. Это был чисто османский феномен, возникший в ходе институционализации османского государства.

В XVI-XVII веках на всем протяжении «страны полумесяца» торгово-ремесленные товарищества имели довольно единообразную четкую структуру. В каждом конкретном случае она определялась внутренним уставом (кануном) и сводом неписанных правил (дустур), и тот и другой исходили из краткого руководства, которая называлась «киتاب аль-футувва» и являлась руководством для цехов, разъяснявших обычаи и традиции цеховой жизни. Все эти наставления являются компиляции общеоосманского свода – большого футуввет-наме. В нем содержатся наиболее подробные изложения мифологии и символики футуввы, и ее религиозные и нравственные начала, а также организационные принципы, регулировавшие внутреннюю жизнь цехов и каждого компаньона в отдельности.

В каждом цехе имелось три степени старшинства: ученик, подмастерье и мастер. Они соответствовали трем последовательным ступеням морального и профессионального совершенствования.

Начальную ступень составляло ученичество. В источниках нет общепринятого термина для обозначения понятие ученик. Слово мубтади (начинающий) не нашло своего отражения в документах договорно-правового характера. Вместо него использовались слова «аджир» (исполнитель) и «гулям» (мальчик), что вполне соответствовало турецкому термину «чырак» (мальчик, ученик мастера). За время ученичества он выполнял самую различную работу, в том числе по дому, не получая при этом никакого жалования, ничего, кроме питания и небольшого вознаграждения в качестве поощрения. Годы ученичества были периодом самой суровой дисциплины и воздержания. Ученик осваивал основы мастерства и цеховые обычаи. Футувва воспитывала в нем абсолютное повиновение, скромность и презрение к богатству. Корыстолюбие, жадность и стремление быть первым воспринимались как самые страшные моральные пороки. Время ученичества не было ограничено: в среднем оно продолжалось 3-5 лет. Подобное искусство дервишей оно длилось «1001 день». В большинстве случаев ремесло передавалось по наследству от отца к сыну.

Вторая ступень мастерства – работа в качестве подмастерье – могла продолжаться достаточно долго. Подмастерье (по-арабски «санайи» («мастерской ремесленник») или «аммаль» (работник) за справедливое вознаграждение должен был работать у своего мастера. Формально он считался его помощником, в перспективе мог стать компаньоном и даже приемником. Но для этого требовался целый ряд дополнительных условий, не связанных напрямую с повышением профессионального мастерства. Только при благоприятном стечении обстоятельств подмастерье мог обзавестись деньгами и основать собственное дело.

Мастер (по-арабски «уста», в народной форме «уста») был ключевой фигурой торгово-ремесленного товарищества. Считалось, что он постиг все тайны мастерства и усвоил обычай футуввы. его статус подтверждался выдачей специального документа, удостоверявшего его права и профессиональные качества («иджазы» – разрешение), по-своему социальному положению мастер был самостоятельным хозяином, владельцем собственной мастерской («дюккян») или лавки («ханут»). Здесь он работал со своим помощником и учеником. Чтобы стать мастером, ремесленник должен был заручиться поддержкой цеха и пройти дополнительные испытания («имтихан»). Это испытание сопровождалось изготовлением и представлением на суд экспертов образцово-показательные работы. Самое главное – кандидат в мастера должен был накопить или собрать довольно значительную сумму денег, чтобы приобрести собственный дюккян. В большинстве случаев это было практически невозможно, поскольку мастерские на деле превратились в семейные достояния, передававшиеся по наследству от мастера к его сыновьям, зятям и другим родственникам. Количество лавок и мастерских было строго ограничено. Помимо ходатайства цеха для открытия лавки требовалось приобрести «гедик» – патент, разрешавший мастеру заниматься своим делом с использованием указанного в «гедике» производственного помещения, со всем, относящимся к нему оборудованием. «Гедик» не избавлял мастера от обязательств по отношению

к собственным средствам производства, в частности, от необходимости платить арендную плату. Но он гарантировал права пользования. При наличии «гедика» никто не мог лишить мастера его прав на данное помещение и занять его, в том числе для работы или передаче другим лицам. «Гедик» выдавался раз и навсегда. В народе его безо всяких формальностей рассматривали как документ на владение лавкой.

Все изменения, происходившие в цеховом товариществе: прием новых членов, посвящение в мастера, открытие новых дюккян и их переход в другие руки должны были производиться с ведомом и согласия общего собрания цеха и его должностных лиц.

Главой цехового сообщества был шейх. В некоторых корпорациях он именовался ахи-баба. Шейх считался не только производственным, но и религиозно-нравственным руководителем общины, поэтому кроме досконального знания дела требовалось, чтобы он имел репутацию честного и порядочного человека, отличался набожностью и знал все обычаи и традиции футуввы. Как глава «таифы» шейх поддерживал отношения с местными властями, следил за раскладкой и обязательств перед государством, созывал общие собрания коллектива, возглавлял различного рода церемоний, рассматривал жалобы и предложения челнов общины, в том числе о присвоении звания мастера. Шейх считался высшим авторитетом во всех вопросах профессионального характера. С его ведома производились закупки сырья, распределялась работа, он удостоверялся в качестве продукции и объема затрат, разрешал отпуск готовых изделий. Свои обязанности шейх выполнял с помощью кяхии или кетхуды, своего заместителя по управлению цеховой общины. Накиба (старейшины), считавшегося главным блюстителем футуввы. Накиб должен был следить за моральным обликом мастеров и за соблюдением ими всеми трудового товарищества. Большую роль в жизни цехов играли также йигит-баши (начальник братьев по труду), который закупал сырье и помогал шейху распределять работу, а также два эксперта (ахль аль – хибра), выдвигавшиеся из числа наиболее опытных и авторитетных мастеров. В каждой «таифе» имелся кятиб (цеховой писарь), мунади (глашатый) или чауш – вестовой, оповещавший мастеров о решении цехового производства.

Все должностные лица в «таифе» избирались на общем собрании коллектива и утверждались кадием. В основном, процедура выборов имела церемониальный характер, поскольку все назначения обговаривались заранее. Сам кандидат выявлялся путем консенсуса, в ходе закулисных сделок между ведущими лидерами общины. Зачастую, он просто рекомендовался кадием или другой вышестоящей инстанцией. Следует подчеркнуть, что выборные должности в большинстве случаев замещались их одних и тех же фамилиях (хотя считалось, что должностные лица общины занимали свои посты не по праву рождения общины, а в силу глубокого уважения, которым пользовались их семьи).

Все избранные кандидаты подтверждались со стороны шариатской власти. Для этого представители цеха должны были явиться к кадию и проинформировать о результатах выборов. Кадий составлял акт об инвеституре о том, что он назначил шейхом и муттакалимом такого то, общины такой то. Затем этот акт торжественно зачитывался мастерам, присутствовавшим на церемонии, и регистрировался в государственных органах. Шейх и другие лица общины вместе с наиболее влиятельными

мастерами составляли цеховую верхушку, которая заправляла всеми делами. Не совсем ясно, составляли ли они какой-либо формальный совет или это была формальная группа лидеров. Считается, что в каждой «таифе» был свой совет старейшин, который, как и в карматских общинах, состоял из 6 человек. Он назывался «лонджа хейети». Многие историки полагают, что нет никаких оснований говорить о существовании такого рода советов.

Все важнейшие решения руководства утверждались общим собранием – маджлисом «таифы». Он созывался шейхом и рассматривал различного рода производственные вопросы и конфликты, а также выносил окончательное решение о приеме новых мастеров и новых членов общины. Предварительно эти вопросы обсуждались цеховыми общинами, которые изучали прошлое кандидатов, их происхождение, моральный облик и профессиональные качества. После утверждения кандидатов общим собранием происходила процедура посвящения. Она носила чисто мистический характер, и была насквозь проникнута символикой футуввы, ее тайными знаками и совами. Обряд начинался с обращения к Богу, пророку Муххамеду и членам его семьи. Затем следовало опоясывание (шадд) и торжественное обещание (ахд), в ходе которого новичок давал клятву хранить обычая и традиции футуввы, держать в тайне секреты производства и добросовестно выполнять порученную работу. В заключении устраивалась совместная трапеза (халава), заканчивавшаяся раздачей подарков.

Обряд посвящения совершался шейх машаих аль-хираф (верховный глава местных цеховых общин), точнее, религиозный наставник цехов. Иногда его замещал накиб ан-нукаба (старейшина старейшин) – глава цеховых старейшин города. Оба они представляли местное духовенство, по-видимому, они должны были следить за соблюдением морально-этических норм футуввы. В случае нарушения они могли наказать виновных, заключить их в тюрьму, присудить палочные удары, а они были не более, чем религиозными деятелями и их основная задача заключалась в том, чтобы освещать своим авторитетом все важнейшие авторитеты в жизни цехов. В частности, они совершали ритуал, отмечавший достижения 2-ой и 3-ей степени мастерства, вступление в должность шейха.

В разных цехах соблюдались различные обряды посвящения. Это зависело от мистической аффилиации цехов. Каждая «таифа» имела своих святых покровителей, или «пиров», цепь которых по-разному восходила к Сальману аль-Фариси. В честь этих святых устраивались цеховые праздники. Крупные общины имели собственные мечети и молитвенные помещения, находившиеся неподалеку от места работы. Глава местных цеховых общин и старейшина старейшин, как правило, являлись вождями местных дервишских братств (тарикатов) или другими религиозными деятелями. Вся жизнь цеховых сообществ была тесно связана с мусульманским духовенством и неизбежно приобретала теократический характер.

Вся внутренняя жизнь цеховых общин протекала автономно и лишь формально контролировалась шариатской властью. Фактически же каждый кадий и его аппарат выступали как правительственно надцеховая инстанция. Кадий выступал не только как блюститель цехового порядка, но и как главный распорядитель, определявший общее течение цеховой жизни, носителя государственной власти.

При внешней самостоятельности, османские торгово-ремесленные товарищества в отличие от цехов в вольных городах Европы на деле выступали как низовые ячейки административно-хозяйственного аппарата и полностью контролировали сверху. Они целиком отвечали интересам государства, насаждались и поддерживались османским правительством. При посредстве цехов оно контролировало экономическую жизнь города, направляло и регламентировало ремесленное производство в соответствии с идеалами османской социальной теократии.

Я сказал.